

И. А. Севастьянов

**Проблема истории концептов *поганыи* и *язычнникъ*
в контексте христианизации Древней Руси**

В эпохи потрясений и преобразований, когда происходит смена идеологических и культурных ориентиров, важную роль в осмыслении прежнего культурного опыта играет язык, и, в частности, новые языковые определения или концепты. Необходимость соотношения старых и новых ценностей включает в общество некий механизм словотворчества, с помощью которого и совершается это переосмысление. В результате происходит конструирование концептов языка новой культуры. Культура как смыслополагание воплощается в языковых сущностях или концептах, которые являются частью исторической реальности и потому могут рассказать об условиях своего появления и дальнейшего существования. Анализ этих концептов позволит выявить скрытые до того исторические реалии носителей языка и понять особенности складывания новой культуры и исчезновения старой.

Примером такой переломной эпохи является эпоха христианизации. Это длительный период, когда древняя славянская культура сменяется или, скорее, дополняется культурой христианской. В самом её начале появляются концепты, с помощью которых христианство определяет место элементов старой культуры в системе своих ценностей. Для определения этих старых культурных явлений используется местный язык. При «переводe» христианства на язык славянский происходит заимствование одних терминов, а другие, местные термины, приобретают новые или дополнительные значения. Двумя такими типами терминов в нашем случае являются слова *поганыи* и *язычнникъ*, ставшими ключевыми в осмыслении дохристианской культуры. Они впоследствии породили понятия «паганизм» и «язычество», которыми эту культуру мы теперь называем.

Процесс преобразования тех слов, от которых произошли эти понятия-переосмысления, очевидно, несёт в себе некую историческую информацию. Выявление этой информации представляется важным для дальнейшего исследования истории и культуры Древней Руси.

Заняться проблемой истории этих концептов автора также побудило и неоднозначное употребление понятий «паганизм» и «язычество» в современном мире. Они используются в разных сферах. Понятие «язычество» укоренилось в нашем обыденном сознании, и с помощью его мы обычно обозначаем все древние небиблейские религии, а также вообще всякое отклонение от господствующей системы ценностей. Эти понятия используются и в науке, хотя они не имеют чётко определённого научного содержания, потому как заимствованы наукой из христианской традиции. Разные авторы по-разному представляют себе их смысловую наполняемость, иные предлагают вовсе от них отка-

Севастьянов Илья Александрович, студент Омского государственного университета.
Эл. почта: ilija_a@mail.ru

заться¹. Важно и то, что в современных условиях так называемого «языческого» ренессанса, в обществе также возникают споры вокруг использования этих терминов². Представители разных общественных организаций, пытающихся реконструировать, возродить или продолжить древние дохристианские традиции, выдвигают противоречивые гипотезы о происхождении и смыслах данных понятий. Одни называют себя «язычниками», другие – наотрез отказываются от этого термина. И те и другие пытаются найти какие-либо объяснения в древности. Однако простое решение этой проблемы вряд ли возможно, так как история этих терминов в настоящее время не выяснена. Не ясно и почему именно этими словами – *поганыи* и *язычникъ* – христианские писатели называли представителей дохристианской славянской культуры.

На данный момент отсутствует чёткое представление о появлении этих слов в древнерусских памятниках письменности, а также нет и понимания их семантического развития. Данное исследование ставит перед собой задачу несколько прояснить их историю, а, следовательно, и те исторические условия, в которых они функционировали. Разбирая имеющиеся о них сведения в словарях и в памятниках славянской письменности, автор не задавался целью представить эту историю в максимально полном и законченном виде. Мы постараемся лишь наметить её очертания путём систематизации имеющихся данных и формулировки соответствующих вопросов для дальнейших исследований в этом направлении.

Концепты *поганыи* и *язычникъ*, имея основным значение «идолопоклонник», являются лексическими вариантами, взаимно заменяемыми древними писателями. Однако это, по всей видимости, не единственное их значение. Наша задача – попытаться выяснить их первоначальные смыслы и объяснить, почему они приобрели значение «идолопоклонник».

1. *поганыи*.

Вначале следует рассмотреть слово *поганыи*. Оно широко известно уже в старославянских памятниках и имеет значение «идолопоклонник, не верующий в истинного Бога»³. Его происхождение более прозрачно. И.И. Срезневский указывает на заимствование его из латинского языка.

Подробнее остановился на этом термине Е.В. Аничков. Анализируя этимологию слова, историк пришёл к выводу, что его появление было обусловлено вполне конкретными обстоятельствами распространения христианства в Рим-

¹ Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. М., 1981. С. 3; Седов В.В., Чернецов А.В. Славянское язычество как проблема междисциплинарного изучения // Вестник АН СССР. М., 1981. № 2. С. 80; Robinson B.A. What is a «Pagan»? // www.religioustolerance.org/paganism.htm

² Гаврилов Д.А., Наговицын А.Е. Боги славян. Язычество. Традиция. М., 2002; Александр (отец). Славяно-арийская ведическая культура. Её отличие от язычества и неоязычества // Ведическая культура. Краснодар, 2005. Вып. 5. С. 17–19; Шнирельман В.А. От «советского народа» к «органической общности»: образ мира русских и украинских неоязычников // Славяноведение. 2005. № 6. С. 3–9; Седякова И.А. Новая прагматика архаичных моделей: имена неоязычников // Имя: семантическая аура. М., 2007. С. 166.

³ Старославянский словарь (по рукописям X–XI вв.). М., 1994. С. 457 (далее СС); Срезневский И.И. Материалы для словаря древне-русского языка по письменным памятникам. СПб., 1902. Т. II, Стб. 1011 (далее Срезн.).

ской империи. В этом процессе он выделил три этапа: 1) образование христианских общин среди евреев, 2) римский период и 3) христианизация варваров¹.

Для характеристики римского периода он использует понятие «*in paganos*», когда задачей «христовой проповеди» было просвещение «поганых». Следуя этимологии, Е.В. Аничков объясняет суть этого периода: «*Paganus* в прямом своём значении² – житель деревни... Так и будет понято это выражение, когда уже все города целиком станут христианскими, но ещё не успеет просветиться деревня. ...Греко-римская культура станет лишь тогда рассадником христианства по всему западу, когда закончится внутренний процесс его распределения *in paganos*, т.е. сначала по всем кварталам городов и по всем городам, а после также и в деревнях»³.

Е.В. Аничков на общеевропейском материале показал историческую взаимосвязь эволюции значения слова *paganus* и путей распространения христианства. Один лишь этот термин смог довольно много «рассказать» о христианизации Римской империи.

Схема «Римского периода» распространяется и на период христианизации варваров. Однако на новой земле, у других народов, несомненно, были свои особенности. Латинская этимология слова *paganus* не может их отразить, потому, как слово заимствуется. В новых условиях термин приобретает и новые оттенки своего значения. Их появление является следствием освоения термина в новой культурной среде, христианизации кельтов, германцев, балтов, финно-угров и славян.

Нас интересует, какие исторические реалии Древней Руси отразил этот термин. Здесь возникают две проблемы: пути проникновения латинского понятия в славянскую культурную среду, а также новое его понимание, новое семантическое наполнение термина.

То, каким путём – окольным или прямым – пришёл к нам данный термин, важно не только для истории концепта *логаныи*, но и для истории взаимоотношения восточной и западной церквей, для истории взаимовлияния греческой, славянской и латинской литератур.

Древнерусские памятники фиксируют ряд других значений слова: 'неправо верующий, еретический, еретик', 'неправославный, нехристь (прозвание недругов Руси)', 'иноземный, чужеземный', 'необразованный, грубый', 'нечистый'⁴. В каком семантическом наполнении пришёл на Русь данный термин и какие новые смыслы он принёс, а какие приобрёл уже здесь?

Н.Н. Розов, основываясь на материалах незаконченного исследования Н.К. Никольского, в 60-е гг. обратился к вопросу о возможности прямых русско-чешских литературных связей⁵. Н.К. Никольский искал параллели творчества первого русского митрополита Илариона в сочинениях латинских писателей и в памятниках

¹ Аничков Е.В. Язычество и Древняя Русь. М., 2003. С. 18–22.

² Лат. *paganus* – «сельский» (Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1987. Т. 3. С. 294 (далее Фасмер)).

³ Аничков Е.В. Язычество... С. 21.

⁴ Срезн. Т. II. Стб. 1012.

⁵ Розов Н.Н. Из истории русско-чешских литературных связей древнейшего периода (О предполагаемых западнославянских источниках сочинений Илариона) // Труды отдела древнерусской литературы. М., 1968. Т. XXIII. С. 71–85.

древнейшей мораво-чешской литературы. К этим поискам он пришёл в результате анализа взглядов Илариона, выраженных в его «Слове о законе и благодати», «несколько отличались от позднейшего русского «православия»¹. Как предполагает Н.Н. Розов, Иларион, сделавшись приближённым Ярослава Мудрого, приобщился к кругу собранных им книжников, которые занимались переводом книг и не обязательно с византийских оригиналов.

В настоящее время широко известно влияние чешской житийной литературы на древнерусскую литературу Борисоглебского цикла². В частности, это исследования Н.Н. Ильина, М.Ю. Пармоновой и А.М. Ранчина³. С. Сендерович, вновь исследуя «Слово» Илариона, предполагает связь в творчестве первого русского митрополита с кирилло-мефодиевской традицией⁴.

К этому также следует добавить широкое распространение производных от латинского *paganus* в древнейших русских памятниках. «Повесть временных лет», «Слово о законе и благодати», «Память и похвала князю русскому Владимиру», «Слово о полку Игореве», «Слово некоего Христолюбца» – все эти памятники обнаруживают одну интересную особенность: *поганьи* и *язычникъ* здесь не просто не «конкурируют» между собой в обозначении нехристиан, мы вообще не находим в них слова *язычникъ*.

Очевидно, вопросы истории латинского по своему происхождению концепта *поганьи* вновь ставят перед нами проблему отношений Древней Руси со странами средневекового Запада, а также и проблему осмысления древними писателями (с помощью данного термина) реалий дохристианской культуры восточных славян.

2. *язычникъ*.

Намного сложнее дело обстоит с концептом *язычникъ*. Слово *языкъ*, так же как и его производные *язычникъ*, *язычьнь* и *язычеськъ*, может употребляться в памятниках в значениях 'идолопоклонник, не верующий в истинного Бога' и 'иноходец, чужеземец'⁵. При этом, сохраняется некая двусмысленность: в этих словах одновременно фиксируются и 'иноплеменность', и 'идолопоклонство' обозначаемого⁶. В разных списках лекси-

¹ Розов Н.Н. Из истории русско-чешских литературных связей... С. 84.

² См. об этом: *Сказание* о начале Чешского государства в древнерусской письменности. М., 1970, С. 22–30 (предисловие А.И. Рогова).

³ Ильин Н.Н. Летописная статья 6523 г. и её источник. М., 1957; Пармонова М.Ю. Святые правители Латинской Европы и Древней Руси: сравнительно-исторический анализ вацлавского и Борисоглебского культов. М., 2003; Ранчин А.М. Князь – страстотерпец – святой: семантический архетип житий князей Вячеслава и Бориса и Глеба и некоторые славянские и западноевропейские параллели // Ранчин А.М. Вертоград Златословный: Древнерусская книжность в интерпретациях, разборах и комментариях. М., 2007, С. 98–111.

⁴ Сендерович С. Слово о законе и благодати как экзегетический текст. Иларион Киевский и павлианская теология // Труды Отдела Древнерусской Литературы. СПб., 1999. Т. 51.

⁵ СС. С. 807; *Срезн.* Т. III. Стб. 1647–1648.

⁶ См., например: «їдоли *языкъ* сьребрьны и злати» (Псалтырь, СС. С. 807); «паки печете ся творити *язычкае* все» (из кодекса литургического назначения и части Наставления Ефрема Сирина, СС. С. 807). Определяемое в словаре значение: 'чужеземцы, иноплеменники; язычники'.

ческим вариантом могут выступать *поганыи*, а также *странникъ*¹. Выявление именно первого значения позволит нам проследить семантическую эволюцию данного слова и представить себе исторические условия этих смысловых изменений.

Необходимо отметить три важные особенности использования слов *языкъ*, *язычьнь*, *языческъ* и *язычьникъ*. Во-первых, они используются в двойном значении 'иноплемённость, идолопоклонство' и происходят от слова *языкъ* в значении 'народ, племя'. Во-вторых, все они употребляются в переводных религиозных текстах. Третья особенность в том, что в данном значении этим словам соответствуют греческие *τα εθνη, των εθνων, ἔθνικός* – производные от слова *ἔθνος*.

Вероятно, и в греческой литературе *ἔθνος* имеет те же особенности использования, что и славянское *языкъ*. Ведь другие значения слова *ἔθνος* – это 'народ', 'племя', 'толпа', 'класс (людей)', и только в текстах Священного Писания оно приобретает значение 'идолопоклонство'².

Если греческое *ἔθνος* и славянское *языкъ* взяты в значении 'народ, как класс людей', и соответственно *ἔθνικός* и *языческъ* – в значении 'народный, простонародный', то использование данных терминов предполагает наличие в обществе некой христианской элиты и широкого слоя простых людей, живущих ещё по старым обычаям³. Однако словари не фиксируют значения 'народ, как класс людей (простой люд)' для славянского *языкъ*.

С другой стороны и *ἔθνος*, и *языкъ* могут употребляться в значении 'народ, племя', и соответственно *ἔθνικός* и *языческъ* – в значении 'народный, племенной'. В этом случае имеется в виду вера по месту, по племени, т.е. племенные культы. Это близко современному понятию «этнические религии»⁴. Учитывая то, что христианство становилось религией надэтнической («ни эллина, ни иудея»), вполне резонно утверждать, что так и понимались христианскими писателями данные термины. Однако любопытно, что славянскому термину *языкъ* всегда соответствует греческое *ἔθνος* – и тот и другой обозначают скорее среду распространения культуры. Термины же отражающие её сущность (в понимании христиан) – *εἰδωλατρεία* и *кумирслужение* – никогда не выступают лексическими вариантами.

¹ См., например: «осудять і на смерть і предадать і *языкомъ* (вариант – *погании*)» (от Марка, *СС. С. 807*); «моляште же ся не лихо глаголете екоже і *язычьници* (вариант – *погань*) мьнять ся еко въ мнозе глаголани своємь оуслышани будуть (от Матфея, *СС. С. 807*); «аще же и о црькѣве неродити начьнетъ да будеть ти яко *язычьникъ* (варианты – *погань* и *странникъ*) и мытарь» (от Матфея, *Срезн. Стб. 1649*). *Странникъ* имеет значение 'чужеземец, иноземец' и только в переносном смысле – 'путник' (*СС. С. 627*)

² *Вейсман А.Д.* Греческо-русский словарь. М., 1991. С. 370.

³ За похожее толкование термина «язычество» выступают некоторые «современные язычники». Один из идеологов «неоязычества» Доброслав уверен, что «язычество дословно – то же, что и народность» (*Шнирельман В.А.* От «советского народа» к «органической общности»... С. 4).

⁴ Некоторые из «современных язычников» предпочитают называть свои верования этническими. Лидер киевской общины Зареслава (Г. Лозко) этнос «понимает как «кровнородственную общность людей», обладающую своими самобытной культурой, языком и религией, имеющую общие исторические воспоминания и занимающую единую территорию. Лозко отождествляет этнос с нацией, а язычество с национализмом» (*Шнирельман В.А.* От «советского народа» к «органической общности»... С. 9.).

Необходимо отметить и ещё одну особенность употребления слов *ἔθνος* и *языкъ* в текстах Священного Писания: язычниками именуются все народы, кроме евреев¹. Все остальные – иного роду-племени, а, следовательно, имеют и иную веру, определяемую как 'идолопоклонство'. В словаре церковнославянского языка даётся любопытное толкование слова «языческий», как «произшедший от другого, а не от еврейского рода»². Такое понимание характерно не только для книг Ветхого Завета, но и Нового.

В современной библеистике имеются разные взгляды на отношение Иисуса к поведению у других народов. Существует отдельная проблема «Иисус и язычники», при решении которой трудно свести воедино все евангельские свидетельства³. В книгах Священного Писания «где в различных переводах употреблено слово язычник, в основном тексте ему соответствует слово, обозначающее «народ» или «национальность» вообще. В таком смысле в еврейском тексте употребляется слово «гой им» от единственного числа гой (Псл. 2:1, 8; Ис. 60:3, 11, 16) и т. д., и греческое слово этнэ от единственного числа этнос (Деян. 14:16; 15:17) и т. д. по отношению к тем народам, «которые не знают Бога»... в некоторых местах слово «этна» – язычники – обозначает христиан из язычников, а не из евреев (Рим. 16:4; Гал. 2:12). ...Как поставленный Богом проповедовать язычникам, Павел назван апостолом язычников (1 Тим. 2:7). Пётр же с остальными были «апостолами у обрезанных» (Гал. 2:8)»⁴.

Таким образом, использование данных терминов выражает, прежде всего, этноцентризм евреев и их богоизбранность. В еврейском это выражено через слово *гойим*, в греческом – через *ἔθνη* 'народы', в славянском – через ряд однокоренных слов: *языкъ*, *язычьнь*, *языческъ* и *язычьникъ*. Это исключает использование семантики 'племенные культы'. Все прочие народы названы язычниками в силу их иноплеменности еврейскому.

Из вышеизложенного следует, что слово *язычьникъ* первым своим значением имело значение 'иноплеменность', к которому позднее добавилось понимание об 'идолопоклонстве' иного племени. Если последнее имеет, несомненно, книжное происхождение, уходящее истоками в еврейскую культурную традицию, то первое значение говорит нам о его славянском народном употреблении, хотя и не закреплённом явном в письменных памятниках⁵.

¹ Аналогичную ситуацию можно видеть у греков: *варвары* – 'не греки'.

² *Словарь* церковно-славянского и русского языка. СПб., 1847. Т. IV. С. 481.

³ McKnight С. Язычник // Иисус и Евангелие: словарь. М., 2003. С. 789.

⁴ *Библейский словарь*: энциклопедический словарь. СПб., 1996. С. 502.

⁵ Словари отмечают ещё одно слово с семантикой 'иноплеменник' – *иноязычьникъ* (СС. С. 262; Срезн. Т. I, С. 1107–1108). Однако Р.М. Цейтлин полагает, что сложение *ино-язычьникъ* является книжным. Проведённый исследовательницей анализ слов, образованных формантом *-ьникъ*, каковым является слово *язычьникъ*, показал, что такие слова не могут быть кальками с греческих слов (несмотря на греч. *ἔθ-νικός*). Они не связаны с какой-либо одной словообразовательной моделью греческих соответствий, перевод осуществлялся по словам, а не по морфемам (Цейтлин Р.М. Лексика старославянского языка: Опыт анализа мотивированных слов по данным древнеболгарских рукописей X–XI вв. М., 1977. С. 90, 94).

Мы можем сделать вывод, что язычниками у славян называли чужеземцев, представителей других народов. Вероятно, что к данному слову добавлялось и понимание того, что чужеземец имеет и иные обычаи. Разумеется, 'идолопоклонства' в этой семантике нет – такое определение присуще только иудейской, а затем и христианской традициям.

Дальнейшее исследование истории концептов *поганьи* и *язычьникъ* предполагает рассмотрение их семантического развития в славянских памятниках письменности. Их количественное использование в источниках имеет свои особенности, которые также должны иметь своё объяснение. В значении 'идолопоклонник, не верующий в истинного Бога' всех однокоренных слову *поганьи* насчитывается 35 слов, слово *язычьникъ* употребляется всего 6 раз¹. В древнерусской «Повести временных лет» производных от *поганьи* в указанном значении насчитывается 11 (остальные 21 используются по отношению к половцам), а вот слова *язычьникъ* «Повесть временных лет» и вовсе не знает². Примерно так же обстоит дело и с другими древнейшими русскими памятниками. Слова *язычьникъ* нет ни в «Слове о законе и благодати», ни в «Памяти и похвале князю русскому Владимиру», ни в «Слове о полку Игореве», ни в раннем поучении – «Слове некоего Христолюбца». Зато в них широко используется слово *поганьи*, и в этом же значении кое-где и слово *языкъ*. Такое положение, очевидно, имеет свои причины и связано с конкретными историческими реалиями.

¹ СС. С. 457–458, 807.

² *Творогов О.В.* Лексический состав «Повести временных лет» // Лаврентьевская летопись. (Полное собрание русских летописей. Т. I.). М., 1997. С. 583–733.